

УДК 327.51.82

### ТРАНСАТЛАНТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И ИНИЦИАТИВА «ГОД ЕВРОПЫ» (1973)

© 2013 г. **Л.Г. Золотова\***  
Институт США и Канады РАН, Москва

*40 лет назад администрация Р. Никсона предложила союзникам по НАТО проект «Год Европы». Действительно ли инициатива потерпела фиаско или же стала прелюдией к новому уровню отношений в альянсе, к началу скоординированного построения нового мирового порядка и первым шагом к управлению взаимозависимым миром, стремительно глобализировавшимся, к созданию Трёхсторонней комиссии (1973) и Группы шести/семи (G-6/G-7, 1975–1976) – эти аспекты рассмотрены в статье.*

**Ключевые слова:** трансатлантические отношения, инициатива «Год Европы», Оттавская декларация, Трёхсторонняя комиссия, G6/G7.

К окончанию войны во Вьетнаме Р. Никсон и Г. Киссинджер осознали необходимость «оживить» Североатлантический союз. Поскольку со времён Дж. Кеннеди не предпринималось никаких инициатив в трансатлантических отношениях, реакция европейцев на вьетнамскую войну ранжировалась от замешательства до открытой враждебности; Европа боялась перспективы утраты Соединёнными Штатами интереса к мировому лидерству и была обеспокоена их определением мировой роли, то американская администрация решила, что от имени президента с изложением такой инициативы выступит его помощник по национальной безопасности Г. Киссинджер [9, р. 599–600]. Представляется, фактор опасения американцев упустить момент участия в европейских процессах и, следовательно, способность влиять на ход событий, сыграл, важную, если не определяющую роль, поскольку европейцы поставили цель к концу 1970-х гг. преобразовать ЕЭС в экономический и валютный союз.

23 апреля 1973 г. Г. Киссинджер выступил в Нью-Йорке на ежегодной встрече издателей агентства «Ассошиэйтед Пресс» с речью «Год Европы», «названной, возможно, слишком пафосно» [9, р. 600]. Обратившись к лидерам НАТО с призывом определить цели для альянса на оставшуюся четверть века и политические отношения между Соединёнными Штатами и Европейским сообществом, расширившимся 1 января 1973 г. с шести до девяти членов\*\* и

---

\* **ЗОЛотова** Леля Геннадьевна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра региональных проблем ИСКРАН. E-mail: Lelya.Zolotova@gmail.com

\*\* Сообщество шести членов Римского договора 1957 г. (Франция, Западная Германия, Италия, Бельгия, Нидерланды, Люксембург) с 1 января 1973 г. пополнилось Великобританией, Ирландией и Данией.

предпринявшим первые шаги к координации своей внешней политики [17, р. 593-598], американская администрация ожидала, что в течение весны – лета 1973 г. удастся достичь согласия и подготовить декларацию подобную «Атлантической хартии» времён Второй мировой войны, с тем чтобы Р. Никсон во время визита в Европу мог бы подписать её. У. Банди, (несколько десятилетий служил на возможных постах: в ЦРУ, в Министерстве обороны, в Госдепартаменте, в журнале «Форин афферс» (1972–1984 гг. – редактор). Оценивая вероятность успешной реализации такого плана, ссылаясь на критичный анализ ситуации Киссинджером в его мемуарах, Банди высказал серьёзные сомнения [3, р. 415].

Называя союз США и Европы «краеугольным камнем всей послевоенной внешней политики», признавая общность ценностей, целей и основных интересов, Г. Киссинджер объяснил название инициативы – «Год Европы» – завершением эры, сформированной решениями предыдущего поколения и успехом её политики, породившей новую реальность, требовавшей новых подходов. К явлениям новой реальности были отнесены:

- возрождение Западной Европы и её движение к экономическому объединению; установление военно-стратегического баланса Восток – Запад и необходимость нового понимания нужд общей безопасности;
- появление нового важного центра силы – Японии – и осознание факта, что «для обеспечения жизнеспособности «атлантических» решений во многих областях следует вовлекать [в процесс реализации] Японию»;
- период разрядки привёл к сокращению жёсткого разделения, существовавшего на протяжении двух минувших десятилетий, и появлению нового утверждения национальной идентичности и национального соперничества;
- появление непредвиденных предыдущим поколением проблем, требующих новых видов совместных действий (например, гарантировать запасы энергии для индустриально развитых обществ) [17, р. 593].

Эти факторы, по мнению Киссинджера, «привели к драматической трансформации психологического климата на Западе – перемене, являющейся наиболее значительным современным вызовом Западному искусству управления государством». Некоторые положения анализа ситуации в Атлантическом союзе, изложенные Г. Киссинджером, остаются актуальными, несмотря на количество минувших лет и изменение геополитической ситуации, равно как и названные цели не утратили привлекательности и ожидаются воплощения.

Обращает внимание изложение внутренних причин, породивших состояние «натянутости» в межсоюзнических отношениях: «Новое поколение в Европе, для которого война и созданный ею беспорядок не являются личным опытом, воспринимает стабильность как нечто само собой разумеющееся. Оно мало связывает стабильность с единством, которое сделало возможным мир, и с усилием, потребовавшимся для его поддержания. Десятилетия глобального бремени благоприятствовали этому, и поражение в войне в Юго-Восточной Азии усилило в Соединённых Штатах нежелание поддерживать глобальную вовлечённость на основе преобладающей американской ответственности» [17, р. 593-594].

Недовольство американцев Европой проистекало из игнорирования ею более широкой ответственности в реализации экономических интересов, из не-

выполнения части бремени расходов на общую оборону. Жалобы европейцев на США были разнородны: экономические (разделит), военные (покинет), дипломатические (пренебрежёт). Помимо этого европейцы вzywали к США принять их независимость и периодически строгую критику от имени Атлантического союза, одновременно с этим «они требовали вето на... [американскую] независимую политику и всё также от имени Атлантического союза» [17, р. 594].

Идентифицированный американцами вызов состоял в способности союза продвинуться вперёд в совместном понимании угрозы и в определении новой, позитивной направленности, цели. Соединённые Штаты считали необходимым «сделать атлантические взаимоотношения активной силой в построении новой структуры мира, менее связанной с кризисом и более приспособленной к возможностям, вдохновляемым идеями, проистекающими из их целей, а не от страхов», что ранее высказывалось Дж. Кеннеди, Л. Джонсоном и Р. Никсоном. Цель была сформулирована предельно чётко – «заложить основу для новой эры созидания на Западе». Способ её достижения – «личный и прямой подход к лидерам Западной Европы» – предполагал всестороннее рассмотрение проблем: «Политические, военные, экономические вопросы атлантических отношений связаны действительностью, а не нашим выбором и не тактической целью торга... Решения не будут удостоены возможности, если оставить их специалистам. Они должны быть адресованы на самый высший уровень» [17, р. 594]. Идея, как представляется, была воплощена в действительность в 1975 г. созданием неформального форума лидеров индустриально развитых держав Запада – Группы шести, которая была преобразована в Группу семи в 1976 году.

Что касается сроков подписания новой Атлантической хартии, то

США предложили партнёрам подготовить документ ко времени поездки Р.Никсона в Европу, намеченной на конец года, и представили свой проект целей на будущее:

- строить на достижениях прошлого, не становясь его узниками;
- решить проблемы, порождённые успехом;
- создать для атлантических наций новые взаимоотношения, в которых могла бы участвовать Япония.

Обращает внимание позитивная тональность выступления Киссинджера, содержавшего конструктивную, сбалансированную критику, а также призыв: «Мы просим наших друзей в Европе, Канаде и, наконец, в Японии присоединиться к нам» [17, р. 594].

Текст выступления состоял из четырёх частей: преамбулы, пояснявшей американское понимание инициативы; «Проблемы атлантических отношений»; «Повестка на будущее», в которой рассмотрены экономические, оборонные и дипломатические сюжеты взаимоотношений; «Вклад Америки». Речь содержала важное положение, оценённое У. Банди как «особенно резкий пассаж» [3, р. 416], также мотивировавшее необходимость американского проекта: «Соединённые Штаты имеют глобальные интересы и ответственность. У наших европейских союзников региональные интересы. Это не означает неизбежно их столкновение, но в новую эру они не совпадают автоматически... Ес-

ли мы хотим возвращать единство, мы не можем больше игнорировать эти проблемы. Атлантические нации должны найти решение для управления их разнообразием, чтобы это послужило общим целям, которые подчёркивают их единство. ...Мы должны найти новый баланс между национальными и общими интересами. Мы должны идентифицировать интересы и позитивные ценности помимо безопасности, для того чтобы вновь связать обязательством народы и парламенты. Нам необходимо разделять взгляд на мир, который мы стремимся построить» [17, р. 594-595].

Весь послевоенный период американцы поддерживали европейскую интеграцию, осознавая, что объединённая Европа станет более сильным, независимым партнёром, в равной степени с США разделяющим ответственность за судьбы мира, и эти ожидания многократно озвучивались в выступлениях американских президентов и других официальных лиц. Идея была своеобразной путеводной нитью в выстраивании трансатлантических отношений, адаптируемая каждым из последующих президентов к новым международным условиям, и она по-прежнему актуальна. Ожидания, датируемые началом 1973 г., Г. Киссинджер изложил следующим образом: «Мы предполагали, что политический союз последует за экономической интеграцией и что объединённая Европа, совместно работая с нами в рамках Атлантического партнёрства, сможет облегчить многие из наших международных забот» [17, р. 595].

Несмотря на констатацию безрадостного факта («ясно, что многие из этих ожиданий не выполнены»), помощник президента по национальной безопасности заверил, что США продолжают поддерживать процесс объединения Европы, так как в их намерения не входит разрушать то, что они с таким трудом помогли построить: «Для нас европейское единство является тем, чем оно всегда было – не самоцель, а лишь средство к укреплению Запада. Мы продолжим поддерживать европейское единство как компонент атлантического партнёрства» [17, р. 595].

Примечательна созвучность инициативы с речью президента Р. Никсона по поводу двадцатилетней годовщины образования НАТО в 1969 г. и, в частности, в признании факта разных интересов и суверенности политики: «Нет необходимости согласовывать все [аспекты] политики. Во многих областях мира наши подходы будут отличаться, особенно за пределами Европы. Но нам требуется понимание того, что может быть сделано совместно и какими пределами нам следует оградить масштаб нашей автономии. ...Соединённые Штаты никогда сознательно не жертвуют интересами других. Но понимание общих интересов не происходит автоматически, оно требует постоянного определения» [17, р. 597].

Излагая проект «Год Европы», Г. Киссинджер акцентировал, что инициатива не является американским предписанием, это – «призыв к совместным усилиям творчества. Историческая возможность этого поколения – построить новую структуру международных отношений на предстоящие десятилетия. Возрождённое Атлантическое партнёрство необходимо для этого» [17, р. 598]. Свой вклад в это благое дело Соединённые Штаты усматривали в следующем:

– поддерживать европейское единство; не отказываться от своих односторонних союзнических обязательств: не выводить войска из Европы (ожидая в

ответ от каждого из союзников выполнения его части обязательств по обеспечению общей обороны);

- продолжать проведение разрядки международных отношений с противниками на основе соблюдения союзнических интересов, приветствуя участие своих друзей в конструктивном диалоге Восток – Запад;

- не ущемлять интересы своих друзей в Европе и Азии, ожидая в ответ, что их политика будет серьёзно принимать во внимание американские интересы и ответственность;

- совместно работать над новыми проблемами (влияние нефтяных доходов на международную финансовую стабильность, определение политических и стратегических интересов, долговременные отношения стран-потребителей и стран-производителей нефти), которые могут стать сферой конкуренции, но должны быть сферой сотрудничества;

- в предложении, что Япония должна быть основным партнером в общем предприятии, поскольку как автономия Европы не является самоцелью, так и Атлантическое сообщество не может быть недоступным клубом [17, р. 598].

Озвученные идеи были не новы, поскольку находились в фокусе послевоенной американской внешней политики и уже высказывались ранее, за исключением активного вовлечения Японии в сотрудничество с Атлантическим сообществом. Однако в ходе визита во Францию в 1969 г. на переговорах с Ш. де Голлем эта идея уже излагалась Р. Никсоном. В период первого срока его президентства сюжет был «прозондирован» на двустороннем уровне с союзниками по Атлантическому альянсу и, встретив благосклонное отношение части из них, озвучен в виде инициативы и вынесен на открытое рассмотрение. Во-первых, немислимо представить, что американцы, не заручившись поддержкой и не зная позиции основных союзников, отважились бы на такой шаг; во-вторых, в противном случае не произошло бы столь быстрого создания «библиотечной группы» (25 марта 1973 г.), а на её основе образования Группы шести/Группы семи (1975–1976 гг.), Трехсторонней комиссии (октябрь 1973 г.) [15, р. 352–353; 10, р. 691–692; 2, с. 1, 4–9], если бы некоторое время не было затрачено на интеллектуальное согласование, подготовившее почву.

## Причины

Речь, произнесённая Г. Киссинджером, по мнению У. Банди, имела как изъяны, так и искупающие их достоинства. К числу первых он отнёс «несколько неясных пассажей о том, как следует вовлечь Японию в предложенную практику, но реакция быстро продемонстрировала, что ни японцы, ни европейцы не были готовы для такого трехстороннего сотрудничества» [3, р. 417]. Каковы были причины, воспрепятствовавшие доведению проекта до логического завершения? Оценивая события давно минувших дней, Г. Киссинджер из целой череды обстоятельств, помешавших достижению консенсуса, назвал «почти ежедневные уотергейтские откровения, сотрясавшие Вашингтон», по причине которых ни один из европейских лидеров не пожелал рисковать своим внутривполитическим положением и потому не настаивал на саммите с «защищающимся» американским президентом, чья спо-

способность взять на себя долговременные обязательства со всей очевидностью «размывалась» [9, р. 600].

Другой реальностью начала 1970-х годов, вставшей на пути инициативы «Год Европы», явилась гораздо большая озабоченность союзников процессом европейской интеграции, чем проблемой сплочённости Атлантического союза: «Начался более запутанный процесс европейской интеграции. В меньшей степени её сторонники желали терпеть любое вмешательство или [допустить] её ослабление американскими проектами, предлагавшими более широкое атлантическое сотрудничество, однако с добрыми намерениями» [9, р. 600]. Этим обстоятельством Г. Киссинджер объяснил восприятие, особенно Францией (но не только ею), американского предложения об увеличении числа консультаций между Европейским сообществом и США «как американской хитрости с целью помешать появлению особых европейских идентичности и институтов» [9, р. 602].

Американцы обоснованно задавались вопросами о сути, назначении Европейского сообщества, воспротивившегося «включению» Соединённых Штатов в каждый европейский консультативный орган, а также достоинствами Атлантического партнёрства (в чём они?), если только после того, как «громоздкая европейская машина извергнет решение», США могли бы присоединиться к диалогу. Очевидным было желание европейцев говорить единым голосом, изолировав при этом своего старейшего и надёжного друга – США, благодаря усилиям и поощрениям которых стала возможной как экономическая, так и политическая интеграция?

Проявлением немаловажного личностного фактора, повлиявшего на именно такое развитие ситуации, стало то, что «отношениям Никсона с европейскими лидерами не доставало сколько-нибудь особой близости» и «созвездие политических лидеров в Европе не было благоприятным в начале 1973 г.» [9, р. 602-605; 3, р. 417-418]. Взаимоотношения Р. Никсона с Ж. Помпиду не были исключением, хотя начались очень хорошо и к моменту смерти последнего «французско-американские отношения были на спаде». К числу обстоятельств, негативным образом повлиявших на двусторонние отношения, Г. Киссинджер отнёс инспирированные инциденты во время государственного визита Ж. Помпиду в 1970 г. в США и его неспособность преодолеть обиду на американцев; тяжёлый недуг, поразивший французского президента заболевание раком в 1972 г., быстрое угосание и смерть в 1974 г.), ставший причиной «беспрецедентной раздражительности»; стратегическое несогласие с политикой на Среднем Востоке в войне 1973 г., в ходе которой Помпиду возложил на себя роль защитника интересов Европы против проводимой Соединёнными Штатами в одностороннем порядке израильской политики и провокационного регулирования энергетического кризиса.

Объектом разногласий стала инициатива «Год Европы», к которой, по свидетельству Г. Киссинджера, «фактически, французский президент подтолкнул нас теоретически, но когда увидел её реальность, стал интерпретировать как вызов французскому лидерству на континенте» [9, р. 604-605]. Примечательно, что Ж. Помпиду во время интервью Д. Рестону, журналисту «Нью-Йорк таймс», состоявшегося после беседы с Г. Киссинджером в декабре 1972 г., вы-

сказал предложение о возможности «консультаций на высшем уровне», что и привело американское руководство к тому, чтобы выдвинуть «драматическую инициативу» [8, р. 130; 4, р. 415].

Высказывание британского премьер-министра Э. Хита по завершении встречи с Р. Никсоном на Бермудах 20–21 декабря 1971 г. также может быть квалифицировано как свидетельство поддержки американской позиции, спустя полтора года воплотившейся в выдвижении инициативы «Год Европы»: «Я считаю, что будущее западного мира зависит от того, что Европа, Соединенные Штаты и Япония не соперничают, а сотрудничают в гармонии, поскольку общие интересы, которые мы имеем, являются жизненно важными для нас, [их] значительно больше, чем любых различий, которые могут время от времени ... разделять нас» [11, р. 61].

Продвижение своей инициативы американцы начали на переговорах французского и американского президентов, прошедших в Рейкьявике 31 мая – 1 июня 1973 года. Р. Никсон «нажал» на Ж. Помпиду, желая ускорить её рассмотрение французами, и услышал в ответ: «Концепция весьма забавна, чем порождает [надежду]» [9, р. 605]. Насколько можно судить по пресс-конференции помощника президента по национальной безопасности Г. Киссинджера, состоявшейся 31 мая 1973 г., ничто не предвещало драматического развития событий, последовавших летом-осенью 1973 года.

Президенты выразили мнение, что «концепция "Год Европы" должна быть доведена до конца при тесном сотрудничестве между Францией и Соединёнными Штатами посредством двусторонних переговоров и обменов мнениями на высшем уровне» [6, р. 10]. Оба президента согласились в случае достижения прогресса на переговорах провести сессию на уровне заместителей министров иностранных дел с целью рассмотрения результатов, достигнутых в ходе двусторонних и многосторонних обменов мнениями, с тем чтобы на других форумах, возможно, объединить их в декларацию принципов. Решение о саммите европейских лидеров и американского президента предстояло принять после оценки результатов всех переговоров.

В любом случае, в планы Р. Никсона входило посетить Европу в конце октября – начале ноября для двусторонних встреч с лидерами. Изначально американцы подчеркивали, что саммит не являлся для них самоцелью, так как они чувствовали необходимость в обсуждении будущего Атлантического альянса и атлантических отношений, и первым шагом на этом пути они считали определение процедуры рассмотрения проблем [6, р. 11].

Два заявления, сделанные Г. Киссинджером на пресс-конференции, представляются чрезвычайно важными: американская сторона никому из своих союзников не представляла проекта принципов и не намеревается делать этого до двусторонних дискуссий с некоторыми из наиболее заинтересованных стран; «Мы никогда не говорили, что сейчас знаем общую цель. Единственное, что мы сказали, так это то, что существует необходимость попытаться определить её и установить метод изучения» [6, р. 12].

Решив приступить к согласованию позиций с европейскими союзниками посредством почти исключительно личных встреч, Г. Киссинджер начал переговоры 7 июня с министром иностранных дел М. Жобером, тем самым обрёк

себя на недоразумения с союзниками. Последовавшая «неуклюжая дипломатия», по мнению У. Банди, также повлияла на развитие событий. Назначение в начале 1973 г. во Франции «националиста» Жобера на пост министра иностранных дел сказалось на неудачном исходе американской инициативы: «Он продолжил связывать Киссинджера оговорками и вскоре проект завяз в трясине». Французы отвергли два первоначальных американских проекта, «Франция, будучи исторически наиболее несговорчивым членом Сообщества, утверждала себя теперь, как если бы лидерство было её сущностью» [3, р. 417].

Европейское сообщество не позволило американцам обсудить проекты на индивидуальной основе со своими членами прежде, чем будет выработана позиция Сообщества, чтобы говорить единым голосом с США (на тот момент голос олицетворял временный председатель Совета министров ЕЭС, министр иностранных дел Дании К. Андерсен). Это решение было принято в Копенгагене без предупреждения и без предварительных консультаций с Соединёнными Штатами. К. Андерсен не обладал полномочиями вести переговоры с американской стороной. Его функции сводились к выслушиванию комментариев и их доведению до своих коллег, которые должны были подготовить проект резолюции. «Вместо возрождения консультаций, мы были вовлечены в бюрократический процесс их удушения», – такова была оценка Г. Киссинджером схемы взаимоотношений, предложенных европейцами [8, р. 701]. Согласно решению министров иностранных дел стран ЕЭС, принятому на встрече в Копенгагене 23 июля 1973 г., опубликование европейского проекта было отложено.

«Импресарио элегантной путаницы», по глубокому убеждению Г. Киссинджера, был М. Жобер, которому удалось сформировать европейский консенсус, изменить его, настоять на том, чтобы дискуссии проводились исключительно в рамках Сообщества и, более того, настроить ЕЭС против американского предложения [8, р. 701]. По свидетельству У. Банди, «к осени Киссинджер был очень раздражён не только Жобером, но едва ли не каждым европейским лидером, в то время как они полагали, что Никсон расстроен и рассеянный Киссинджер был груб» [3, р. 417-418].

### **«Событие величайшего значения»**

На пресс-конференции 26 сентября 1973 г. в миссии США при ООН, Г. Киссинджер, наделённый новыми полномочиями (с конца августа совмещал посты помощника по национальной безопасности и госсекретаря), сосредоточил внимание на подходе и общей философии администрации Р. Никсона второго срока: «Наша повестка попытаться создать международный консенсус в международном порядке, который видится справедливым для всех или, по крайней мере, для большинства – нечто, что воплощает гуманитарные и прогрессивные идеи», а также счёл необходимым развенчать многочисленные спекуляции по поводу взаимоотношений соперничества между американцами и европейцами, и возникших «огромных трудностей» на пути к согласованию принципов декларации [12, р. 475].



По его признанию, то, с чем пришлось столкнуться во время диалога с европейцами, явилось «слиянием нескольких процессов»: европейской интеграции, дебатов по вопросам безопасности в НАТО, нового определения атлантических отношений, охватывающих все эти сферы. Несколько месяцев европейцы потратили на обсуждение между собой проблемы подходящего форума (НАТО, серия двусторонних переговоров с европейцами или серия переговоров между США и «Общим рынком»). Наконец, решение было найдено. Экономические проблемы и связанное с этим решением политическое рассмотрение, касающееся Европы как общности, следовало обсуждать сообща, с единых позиций девяти стран-членов, с Соединёнными Штатами. Что же касается вопросов безопасности и связанных с ними политических вопросов, то их следовало обсудить в рамках Совета НАТО. В то же время было признано, что двусторонние каналы сохраняются открытыми для этого процесса.

В отношении принципов декларации, представленных 25 сентября 1973 г. от имени европейской девятки министром иностранных дел Дании К. Андерсеном, Г. Киссинджер отметил: «Соединённые Штаты признают, что это первая попытка Европы говорить одним голосом по политической проблеме трансатлантических отношений является событием величайшего значения. В послевоенный период США постоянно поддерживали появление европейской идентичности и поэтому мы приветствуем факт, что теперь Европа самоорганизовалась достаточно хорошо и может говорить с нами одним голосом. Может быть, в исторической ретроспективе встреча европейской девятки в Копенгагене будет рассматриваема как одно из решающих событий послевоенного периода» [13, р. 475]. Отметив, что США сохраняют за собой право на своё собственное мнение относительно результатов этих обсуждений, представленных в духе сотрудничества, открывающих диалог, а не на основе ультиматума, госсекретарь сообщил о запланированной встрече политических директоров девяти европейских стран и своего помощника по европейской политике У. Штесселя с целью обсуждения и соединения американских и европейских идей в декларации экономических и политических принципов.

Американцы продолжали неустанно объяснять свои намерения, желая достижения нужного им результата. В очередной раз Г. Киссинджер акцентировал, что США включились в процесс не как противники, а чтобы «придать традиционной дружбе новую жизнеспособность»; поездка президента не является самоцелью, она состоится в ближайшее время и будет зависеть от прогресса на переговорах; предмет своей заботы они усматривают в подготовке документов, которые будут иметь историческое значение. Тип декларации предстояло обсудить на переговорах американцев с японцами, европейцев с японцами.

Позитивную, сдержанную тональность выступления госсекретаря можно квалифицировать как проявление дипломатичности американской стороной на озвученный спустя пять месяцев ответ европейцев на инициативу «Год Европы». Тактичная позиция Соединённых Штатов вуалировала довольно удручающую ситуацию, сложившуюся в трансатлантических отношениях, которую Г. Киссинджер в разговоре с К. Андерсеном охарактеризовал как «брешь».

Дело в том, что в период с 23 июля по 19 сентября консультации с американцами вообще не проводились. К сентябрю США по неофициальным каналам получили информацию от старых друзей, преданных атлантическим связям\*, что политические директора (эквивалент заместителя госсекретаря) стран – членов Сообщества планируют 10 сентября представить проект декларации на рассмотрение министров иностранных дел. Официального уведомления так и не последовало. Накануне этого события, 8 сентября, американский посол в Париже Д. Ирвин сообщил о мнении М. Жобера, считавшего, что Соединённые Штаты будут удовлетворены любым проектом документа, несмотря на его пустоту; наполнять его содержанием было бы излишним. Поскольку США хотели документ (написанную декларацию принципов), то будет проект, с которым все – и американцы, и европейцы – смогут согласиться, – полагал М. Жобер. Понимая, что американцы предпочтут документ с некоторым содержанием, он намекнул Д. Ирвину, что считает – США успокоятся документом ради самого документа. Однако в действительности все обстояло иначе. «Вопреки его предсказаниям, мы не были готовы подписать бессмысленный документ, мы предпочли бы потерпеть неудачу проекта», – таков был комментарий Г. Киссинджера [8, р. 705]. Оценка европейского проекта, изложенная им в официальном выступлении, отличалась от оценки, высказанной в мемуарах: «Это был слабый документ, напоминавший диалог глухих. Атмосфера не улучшилась оттого, что документ, ожидаемый нами все эти месяцы, прежде просочился в «Нью-Йорк таймс». После того как Андерсен прочитал заготовленное заявление и представил текст Сообщества, не имея возможности обсудить его, я смог сказать немного» [8, р. 705].

Представленный проект мало чем отличался от двух других документов: декларации саммита Европейского союза (октябрь 1972 г.) и принципов, принятых на Токийском раунде переговоров по международной торговле. В нём была подчеркнута разная идентичность ЕС и США. От последних требовалось признание ЕС как особой общности в международных делах; отсутствовали упоминание «взаимозависимости» и ссылка на атлантическое «партнёрство». Иными словами, «предложенная декларация не была инновационной, ни улучшенной; она гораздо меньше соответствовала тому, что американцы одобрили то, как европейцы решили на саммите 1972 г. свои собственные внутренние договорённости».

Разочарование США событиями, принявшими неожиданный оборот, было очевидным, и это проявилось в разговоре Г. Киссинджера с министром иностранных дел ФРГ В. Шеелем, отметившим, что процедура должна менее всего напоминать переговоры противников [8, р. 704]. На следующий день после представления европейского проекта декларации, 26 сентября, Г. Киссинджер встретился за ланчем с М. Жобером, интересовавшимся возможной поездкой Р. Никсона в Европу (позволяют ли ему внутренние проблемы и действительно ли американцы хотят этой поездки). Резкий ответ госсекретаря, что все зависит от сути поездки и президент не желает просто прокатиться по столи-

---

\* «Несомненно, Англия предоставила нам текст декларации Сообщества, когда он был в формате проекта» [8, р. 705].

цам, он ни при каких условиях не подпишет документ с лицами ниже его по рангу, вероятно, рушил далекоидущие планы французского министра. По мнению Г. Киссинджера, «Жобер имел главную идею, чтобы решить последнюю проблему [встречу Никсона с делегацией министров иностранных дел, возглавляемых только одним главой правительства для подписания декларации. – *Л.З.*] Почему бы не отложить всё торжество на год и завершить его во второй половине 1974 г., когда Помпиду будет в кресле? Это, конечно, поспособствовало бы французскому руководству в Европе» [8, р. 705].

Настоящим испытанием для трансатлантических отношений стал арабо-израильский конфликт в октябре 1973 г., его урегулирование и тесно связанный с ним энергетический кризис (16 октября страны ОПЕК повысили цену на нефть на 70%, – с 3,01 до 5,12 долл. за баррель, а спустя два месяца после окончания войны, 22–23 декабря, ОПЕК взвинтила цены до 11,65 долл. за баррель) [3, р.428-460; 8, р. 707–729; 9, р. 664-667]. Союзники отказались предоставить свою территорию для американских военно-транспортных самолётов (за исключением Португалии и Нидерландов), мотивировав это тем, что регион Среднего Востока не входит в зону обязательств НАТО; подвергли США критике за помощь Израилю и за приведение 25 октября в состояние повышенной боевой готовности своих войск, в том числе ядерных подразделений, дислоцированных на территории Западной Германии, без предварительных консультаций и информирования. Позицию, занятую европейцами в этой войне, можно квалифицировать как уход от ответственности с использованием вполне легального обоснования, а также манипулирование фактом большей зависимости от арабской нефти, чем Соединённые Штаты. В последующие десятилетия подобное позиционирование европейцев в периодически обострявшейся арабо-израильской конфронтации, принявшей хроническую форму, стало практически нормой.

Не желая оставлять и далее вне контроля ситуацию, сложившуюся в трансатлантических отношениях в процессе обсуждения проекта, американская сторона предприняла шаги по разъяснению своей позиции союзникам на зимней сессии министров иностранных дел Североатлантического совета (САС) в Брюсселе. В опубликованном по итогам сессии коммюнике отмечалось, что предпринятое после летней сессии изучение значительных перемен в международных отношениях «привело к существенному прогрессу на пути к соглашению по совместной декларации атлантических отношений» [4, р. 304].

Достигнутое понимание необходимости довести важную работу до успешного завершения свидетельствовало о произошедших подвижках в позициях сторон. По мнению министров, декларация, отражая перспективу, соизмеримую с вызовами будущего, должна была послужить руководством для альянса в его усилиях по поддержанию мира, по улучшению отношений Восток – Запад, по обеспечению большей безопасности и процветания. Показательными были зафиксированные в коммюнике намерения продолжить «наиболее полный обмен мнениями и информацией, тесные консультации и сотрудничество в духе взаимного доверия по всем проблемам, представляющим общий интерес» и поручение САС рассмотреть на постоянной сессии «наиболее приемлемые меры, всецело обеспечивающие эффективность этих консультаций».

Судя по высказываниям Г. Киссинджера на пресс-конференции, проведённой в штаб-квартире НАТО 11 декабря по окончании встречи министров и опубликованному коммюнике, американцам удалось в результате откровенного и открытого обмена мнениями достичь консенсуса с европейцами о необходимости укрепления процесса консультаций [13, р. 783–785].

Выступая на следующий день в Великобритании, госсекретарь счёл целесообразным откровенно изложить американский взгляд на трудности, вставшие на пути инициативы «Год Европы» в 1973 г., о перспективах на 1974 г. и в последующий период. Он остановился на мотивах выдвижения Соединёнными Штатами инициативы, на европейской идентичности, общем вызове, на проблемах Среднего Востока и энергообеспечения. Особое внимание было уделено американским намерениям с тем, чтобы устранить их неправильное понимание европейцами. Союзникам напомнили об обстоятельствах выдвижения президентской инициативы: после тщательной подготовки в течение зимы и весны 1972–1973 гг. в результате проведённых бесед со многими европейскими лидерами, когда стала очевидной крайняя необходимость внимания к атлантическим отношениям, чтобы остановить возможность увеличивающихся подозрительности и отчуждения между Европой и Америкой.

Г. Киссинджер в очередной раз заверил, что США даже не допускали предположения о несовместимости атлантического единства и европейской индивидуальности, поскольку считали оба процесса взаимодополняемыми. Признавая, что Соединённые Штаты одобрительно отнеслись к европейскому решению создать независимую идентичность во всех измерениях – политическую и экономическую – госсекретарь подчеркнул: «Действительно, мы долго и более последовательно, чем многие европейцы, поддерживали цель политической сплочённости» [16, р. 778].

Многочисленные кривотолки, возникшие по поводу разграничения интересов Америки и Европы на глобальные и, соответственно, на региональные, были опровергнуты предельно чётким изложением замысла: «Мы не имели намерения ограничить международную роль Европы региональными проблемами. С нашей точки зрения, европейское объединение приведёт к тому, что неспособная [прежде] Европа возьмёт на себя большую ответственность за глобальный мир, что, в конечном счёте, может послужить общим интересам. Американская инициатива предназначалась для того, чтобы оценить новое положение Европы на мировой арене, а также в Североатлантическом сообществе» [16, р. 778].

Считая всестороннее рассмотрение всех аспектов атлантических отношений (экономического, политического, военного) императивом, американцы были убеждены, что подтверждение проникающей природы взаимозависимости не является злым умыслом шантажа, а, напротив, является оправданием примирительных решений. Особенность предложения заключалась в том, что это рассмотрение предстояло осуществить не экспертам и специалистам, которые имели свои национальные и сектантские предубеждения, а представителям высшей власти. Целью такого подхода к решению проблем, по определению госсекретаря, было преодоление разделительных подходов, высшая власть в каждой из стран должна была взять на себя обязательство руководствоваться

принципом, что общим и наивысшим интересом является широко спланированное сотрудничество.

Признавая проблемы переходного периода Европы к единству и трудности первых нерешительных шагов политического координирования, США считали, что трансформация не должна осуществляться за счёт Атлантического сообщества и ценой страданий обеих сторон. Говоря о европейской идентичности, Г. Киссинджер выразил неприятие практики, предложенной ЕС летом-осенью 1973 г.: «Представлять нам решения объединяющейся Европы как свершившийся факт, а не предмет для эффективного обсуждения, не свойственно традиции отношений между Соединёнными Штатами и Европой» [16, p. 779].

Решимость к действию не вызвала сомнения и прочитывалась в произнесённых госсекретарем словах: «Со своей стороны, мы не пожалеем усилий для укрепления отношений сотрудничества с объединяющейся Европой для того, чтобы подтвердить общность наших идеалов, возродить атлантические отношения. Это было целью нашей инициативы в прошлом апреле. Это остаётся главной целью нашей внешней политики» [16, p. 779].

Намереваясь и в дальнейшем продолжать конструктивный диалог с Европой, Америка призывала завершить начатую работу по возрождению атлантического сообщества и согласовать ряд заявлений с тем, чтобы они могли послужить и в качестве повестки дня для правительств, и как пример и вдохновение для народов; трансформировать эти заявления в практические дела и ощутимый прогресс. Восстановление взаимного доверия возможно было осуществить путём усовершенствования процесса консультаций в обоих направлениях, и с этой целью американское правительство сделало конкретные предложения на встрече министров иностранных дел на зимней сессии Североатлантического совета (САС).

Монера, избранная европейцами для легализации своей общности, беспокоила американцев, считавших, что она ведёт к утрате уникальности альянса, проявлявшейся в проведении согласованной (временами с трудом, но, в конечном счёте, в духе сотрудничества) дипломатии сообщества. Оценивая происходящие структурные изменения в международной политике как переход от послевоенной к новой системе, когда новые нации находятся в поиске своей идентичности и подходящей для них роли (Китай, Советский Союз, Европа), администрация Никсона полагала, что у Европы, Канады, США есть только два выбора: созидание совместное либо порознь.

Анализируя взаимосвязь арабо-израильского конфликта и энергетического кризиса, стремясь найти оптимальное решение проблемы, американцы пришли к выводу, что отличия в позициях союзников были обусловлены не столько недостатком консультаций, сколько различием в понимании трёх основных вопросов: носила ли война локальный характер или же она имела более широкое значение; энергетический кризис был порождён войной или в его основе лежали более глубокие причины; возможно ли преодолеть энергетический кризис каким-либо другим способом, помимо коллективных действий? Ответы на вопросы, столь очевидные для американской стороны в 1973 г., как показало многолетнее развитие сюжета, не были таковыми для их европейских союзников.

Усматривая причины энергетического кризиса не в арабо-израильской войне, а во взрывном росте потребления топлива в мире, США предложили ряд мер, способных в долговременной перспективе разрешить эту проблему: увеличить поставки нефти/добычу; поощрять потребителей использовать существующие запасы более рационально и разрабатывать источники энергии. Считая, что на подобный вызов Соединенные Штаты смогут ответить самостоятельно, но с огромным трудом, а Европа не сможет вовсе, американцы предпочитали коллективное решение и предложили объединить усилия Европы, Северной Америки и Японии для создания Группы действия по энергии – (ГДЭ) (*Energy Action Group*) из числа влиятельных персон с мандатом в течение трёх месяцев подготовить программу действий для сотрудничества по всем аспектам энергетической проблемы (предложение распространялось и на «девятку» – страны ЕС, в случае, если они предпочтут действовать сообща).

Предполагалось, что ГДЭ может стать привлекательной и для стран – производителей нефти. Предназначение Группы действия состояло в гарантированном обеспечении требуемых запасов энергии по разумной цене и в определении принципов сотрудничества. Это могло вызвать соответствующие шаги: сохранение энергии посредством более рационального потребления существующих запасов; поощрение открытия и развития новых источников энергии; предоставление производителям инициативы в увеличении поставок; координацию международных исследовательских программ по развитию новых технологий по более эффективному использованию энергии и обеспечению альтернативным топливом.

США заявили о своей готовности внести вклад в реализацию этого проекта, в частности, в разработку морского шельфа, а также «сделать очень большой финансовый и интеллектуальный вклад с целью решения энергетической проблемы на коллективной основе», будучи убеждёнными, что не существует технологической проблемы, которую великие демократии не смогли бы решить совместно, если они объединят всю свою волю и творческую фантазию [16, р. 781]. Энергетический кризис 1973 г. мог стать, по мнению администрации США, экономическим эквивалентом «спутникового вызова 1957 г.» с аналогичным результатом и поэтому следовало, совместно с ближайшими союзниками, предпринять гигантский шаг с пользой для всего человечества.

Квалифицируя ситуацию не как американский вызов Европе, а вызов истории всем союзникам, США считали, что «именно по причине долга и в собственных интересах мы [НАТО] должны сохранить наиболее успешное партнёрство в истории» и обещали содействовать «позитивной жизненной силе Атлантического сообщества в будущем так же, как это было в прошлом» [16, р. 782]. Соединённые Штаты, заявляя о своей готовности предложить объединяющейся Европе «особые отношения», поскольку были глубоко убеждены в том, что единство западного мира является необходимым для благополучия во всех его частях, считали Великобританию, занимающую уникальную позицию (член ЕС и особые доверительные и близкие отношения с США), способной внести вклад в установление подобных отношений ЕС – США.

Предпринятый Соединёнными Штатами шаг – переход от частных переговоров на высшем уровне и кулуарных выяснений отношений на сессиях НАТО, проходивших в равной степени как в жёсткой, откровенной, так и кон-

структивной манере, к открытому объяснению с союзниками (речь Г. Киссинджера 12 декабря в Лондоне) – вполне можно расценить как свидетельство патовой ситуации в трансатлантических отношениях и желания вывести их из этого состояния, как хорошо подготовленный и своевременный пиар-ход, с тем чтобы отвести обвинения в шантаже и «выкручивании рук», а предложение ряда мер, рассчитанных на длительную перспективу – как подтверждение своих лидирующих позиций в альянсе.

В контексте событий 1973 г. обращает на себя внимание речь Г. Киссинджера по случаю его награждения Нобелевской премией мира (за вклад в окончание войны с Вьетнамом), зачитанная послом США в Норвегии Т. Бирном на церемонии 10 декабря, поскольку госсекретарь находился на сессии министров стран НАТО в Брюсселе. Глобализм и мессианство американской внешней политики со всей очевидностью прозвучали в определении её цели: «Целью Америки является построение структуры мира, мира, в котором все нации имеют права и поэтому каждая из них имеет обязательства. Мы стремимся к стабильному миру не в качестве самоцели, но в качестве пути к осуществлению благородных устремлений человека – спокойствия и общности» [10, р. 782].

### **У каждого облака есть серебряная подкладка**

Последующие несколько месяцев были посвящены дипломатическим переговорам, завершившимся одобрением и опубликованием САС в Оттаве 19 июня 1974 г. Декларации об атлантических отношениях. Документ был подписан главами правительств стран НАТО в Брюсселе 26 июня 1974 г. К этому времени лидеры трёх основных союзников США покинули политическую сцену: английский премьер-министр Э. Хит потерпел поражение на выборах; скончался французский президент Ж. Помпиду; немецкий канцлер В. Брандт вынужден был подать в отставку в результате разгоревшегося шпионского скандала. Парадоксально, но Р. Никсон смог продержаться у власти до осени 1974 г. и завершить начатый совместно с Г. Киссинджером в 1973 г. проект «Год Европы» подписанием компромиссной, как представляется, Декларации по атлантическим отношениям, известной также как Оттавская декларация.

Вне всякого сомнения, подписанный в год 25-летия НАТО документ из четырнадцати пунктов, далеко отстоял от изначального американского замысла и касался только военно-политических вопросов [5]. Комплексное рассмотрение проблем трансатлантических отношений (торгово-экономических, финансовых, военно-политических, безопасности), вовлечение в сотрудничество Японии не нашли удовлетворявшего все стороны решения.

Думается, что нерасположенность, а может быть неспособность европейских партнёров к своевременным, креативным, стратегическим решениям, рассчитанным на длительную перспективу, явилась определяющей причиной неудачи американской инициативы. Это же обстоятельство объясняет сохраняющийся до настоящего времени кризисный потенциал в атлантических отношениях. Министр иностранных дел Франции М. Жобер, приложивший усилия для провала проекта, изначально расценил его как изложение геополитики, определившей сферы влияния Америки (глобальная) и Европы (региональная), и поэтому Франция, по-прежнему следовавшая голлистским курсом во внешней

политике, видела своё предназначение в противодействии американской гегемонии [7, р. 231-232].

В Декларации атлантических отношений нашло отражение признание всеми членами роли НАТО в обеспечении безопасности, сделавшей возможным проведение разрядки; в сохранении общих цивилизационных ценностей, в деле восстановления Европы и создания основ её единства; в гарантировании единой и неделимой обороны. Общая цель определена была как предотвращение любой попытки угрозы со стороны иностранной державы независимости или целостности любому члену альянса, а подобные попытки квалифицированы как угроза безопасности всех членов альянса и основам всеобщего мира [5].

Поскольку основные причины ситуации, породившей НАТО, не изменились, то, по всеобщему признанию, сохранялась и значимость ядерного сдерживания в деле обеспечения «неделимой» безопасности всего союза, Соединённых Штатов и Европы, гарантируемой силами США. Американцы подтвердили обязательство поддерживать необходимый уровень своих войск в Европе. Европейским членам альянса в этой связи предстояло осуществить необходимый вклад в обеспечение требуемого уровня общей обороны. Было вновь отмечено, что безопасности не должен быть нанесён урон переговорами о разоружении.

Союзники заявили о своей убеждённости, что «выполнение общих целей требует поддержания тесных консультаций, сотрудничества и взаимного доверия», создавая таким образом необходимые условия для обороны и благоприятные для разрядки. ...Они твёрдо решили держать друг друга полностью информированными и укрепить практику дружественных и своевременных консультаций всеми средствами, которые могут быть приемлемыми по вопросам, затрагивающим их общие интересы как членов альянса, имея в виду, что эти интересы могут быть порождены событиями в других частях мира».

Отголоском американского проекта стало заявление, что ценные взаимоотношения по вопросам безопасности подкреплены гармоничными политическими и экономическими отношениями. В намерения союзников входило продолжить работу по устранению источников конфликта между экономическими политиками сторон и по поощрению экономического сотрудничества друг с другом.

Подтвердив приверженность принципам демократии, соблюдению прав человека, справедливости и социальному прогрессу, страны Атлантического альянса заявили, что прилагаемые ими усилия к сохранению их независимости, обеспечению их безопасности и улучшению жизненных стандартов их народов исключают все формы агрессии против кого бы то ни было, не направлены против какой-либо страны, предназначены для того, чтобы вызвать всеобщее улучшение международных отношений. Развитие взаимопонимания и сотрудничества со всеми странами в Европе было названо в качестве цели политики альянса, что со всей очевидностью свидетельствовало о продолжении курса «двух опор» (разрядка, не в ущерб обороне, а благодаря ей), определённого Докладом Армеля в 1967 году.

Нюансами, появившимися в новом документе, стали признание всеми союзными странами обязанности помогать развивающимся странам и осознание пользы от технического и экономического прогресса в открытой и справедливой мировой системе. Признание факта, что единение альянса выражается не только



в сотрудничестве между правительствами, но и в свободном обмене взглядами между избранными представителями народов стран – членов союза, было дополнено заявлением о поддержке укрепления связей между парламентариями.

Таким результатом завершились более чем годовые усилия американской дипломатии по реализации проекта «Год Европы», по сиюминутным оценкам современников называвшегося провальным, потерпевшим неудачу. Редким исключением является оценка известного политика и современника тех событий У. Банди: «...без ужасного прецедента неблагоразумной авантюры Киссинджера ни американцы, ни европейцы не смогли бы осуществить регулирование, которое привело в 1975–1976 гг. к учреждению саммитов семи наций [G-6/G-7. – ЛЗ.]» [3, р. 419].

Обращаясь к событиям 40-летней давности и оценивая их с позиции другого поколения, подобный вывод не очевиден. Пожалуй, главными опровержениями несостоятельности таких оценок стали набравшая с начала 1970-х годов темп глобализация, создание Трёхсторонней комиссии и Группы 6/7, со временем трансформировавшейся в Группу восьми (1997), вполне успешно стремившихся к своевременному выявлению и решению проблем (финансовых, социальных, военно-политических, экономических, безопасности), либо их нейтрализации; к гармонизации развития мира.

Стратегическая цель – консолидация усилий Запада (Европы, Японии и Северной Америки) для обеспечения безопасности и поэтапного становления западного сообщества, как единого демократического центра, влияющего на глобальное развитие мира, – была поставлена своевременно, хотя и встретила сопротивление союзников, поглощённых интеграционными процессами регионального уровня и временами излишне абсолютизировавших политику разрядки с СССР на двустороннем уровне, забывая, что альянс определил её в Докладе Армеля всего лишь как промежуточную цель. Стратегическая цель проекта «Год Европы» актуальна и в эпоху постбиполярного мира, так же как и причины, мешающие её достижению, вполне идентифицируемы и сопоставимы с прежними, хотя произошли колоссальные геополитические перемены. Цикличность развития международных отношений демонстрирует, что откладываемое по разным причинам (в том числе личностного порядка, иногда превалирующим над всеми другими) решение проблем на новом витке развития международного сообщества предстает в усугубленном виде. Спустя два года с момента провозглашения американцами инициативы «Год Европы», на саммите НАТО в Брюсселе 29–30 мая 1975 г. произошло то, что Соединённые Штаты надеялись достичь в 1973 г., но союзники оказались не готовы принять предложенный ими проект. По свидетельству Г. Киссинджера, «в 1975 г., в Брюсселе канадский премьер-министр Трюдо выдвинул как свою собственную идею и без предварительного обсуждения с нами [США] именно это предложение. И все главы правительств приняли его, в том числе и Франция, не представленная главой правительства, что было единственным исключением» [14, р. 16]. Иными словами, история трансатлантических отношений подтверждает английскую пословицу: «Где есть желание, там есть и возможность».

## Список литературы

1. *Золотова Л.Г.* Эволюция G-7: Саммит G-8 в Эвиане, 1–3 июня 2003 г. Особенности национальных подходов США и России к решению глобальных проблем (Научный доклад). М.: ИСКРАН, 2004. 53 с.
2. *Луков В.Б.* Россия в клубе лидеров. М., 2002.
3. *Bundy W.* A Tangled Web. The Making of Foreign Policy in the Nixon Presidency. New York, 1999. 648 p.
4. Communiqué Issued by the North Atlantic Council. Brussels, 10-11.12.1973 // NATO Final Communiqués 1949-1974 Text of Final Communiqués Ministerial Session of the North Atlantic Council, the Defence Planning, and the Nuclear Planning Group. NATO Information Service 1110 Brussels. 159 p.
5. Declaration on Atlantic Relations. Ottawa 19.06.1974  
(gopher://marvin.nc3a.nato.int:70/00/natodata/BASIC/a6.txt).
6. Dr. Kissinger's News Conference Reykjavik, 31.05.1973 // The Department of State Bulletin. Vol. LXIX, No. 1775, 2.07.1973.
7. *Jobert M.* Memoires d'avenir. Paris, 1974.
8. *Kissinger H.* Years of Upheaval. New York, 1982. 1283 p.
9. *Kissinger Henry.* Years of Renewal. New York, 2000. 1152 p.
10. The Nobel Peace Prize: Symbol of the Quest for Peace. Statement of Secretary Kissinger Read at the Nobel Peace Prize award Ceremony at Oslo on 10.12.1973 by Thomas R. Byrne, Ambassador to Norway // The Department of State Bulletin. Vol. LXIX, No. 1801. 31.12.1973.
11. President Nixon and British Prime Minister Heath Hold Talks in Bermuda, 20-21.12.1971 // The Department of State Bulletin. 17.01.1972. Vol. LXVI. No. 1699.
12. Secretary Kissinger Holds News Conference at the U.S. Mission to the UN on September 26, New York // The Department of State Bulletin. Vol. LXIX. No. 1790. 15.10.1973.
13. Secretary Kissinger's News Conference on 11.12.1973 // The Department of State Bulletin. Vol. LXIX. No. 1801. 31.12.1973. P. 783-785.
14. Secretary Kissinger Interviewed for U.S. and World Report on 23.05.1975 // The Department of State Bulletin. Vol. LXXXIII. No. 1880. 7.07.1975. P. 16.
15. *Shultz George P.* Turmoil and Triumph. Diplomacy, Power and the Victory of the American Ideal. New York, 1993. 1184 p.
16. United States and Unifying Europe: The Necessity for Partnership. Address by Secretary Kissinger made before the Pilgrims of Great Britain at London on 12.12.1973 // The Department of State Bulletin. Vol. LXIX. No. 1801. 31.12.1973.
17. The Year of Europe. Address by Henry A. Kissinger Assistant to the President for National Security Affairs // The Department of State Bulletin. Vol. LXVIII. No. 1768. 14.05.1973. P. 593-598.